

свою доминанту в литературе. Красавицы СМЛ: "Вы нас не купите!"»

Ст. К. Было бы что почитать. Мы к вам даже приценяться не будем. У нас хоть «доминанта» есть, а у Вас, Василий, что?

Анна Вартаньян
«Дорогой Николай Фёдорович! Поздравляю от всего сердца!!!
Талант, благородство, истина! Во славу и радость литературы России!»

Ст. К. Две строчки текста и шесть восклицательных! Во как надо писать!!!!

Слава Богу за всё
«Прекрасный съезд! Великие люди великой литературы великой страны! Мы находимся в эпицентре перелома истории».

Ст. К. Главное теперь — спастись от «перелома истории», успеть выскочить из «эпицентра».

Алла Линёва
«Слава Богу! Липецк в лице Эммы Меньшиковой и Аллы Линёвой искренне, от всей души поздравляет Николая Фёдоровича и нас всех с победой!!!»

Ст. К. Липецк в лице Эммы и Аллы? Это что-то новенькое.

Эмма Меньшикова
«Ура!!! Ура!!! Ура-а-а!!!»

Ст. К. А это уже похоже на «психическую атаку».

Сэда Вермишева
«15 февраля на съезде будет решаться судьба не только СП, но и во многом судьба поруганной и попорченной страны, её исторического бытия. Сегодня СП РФ — это Мамаев курган, и результаты победы будут так же весомы для страны, как и победа под Сталинградом! Сил и выдержки защитникам СП РФ!»

Ст. К. Вместо статуи победы на Мамаевом кургане предлагаю поставить статую Сэды Вермишевой и бюст Дорошенко.

Она же
«А бояться того, что как офицер он заведёт казарменные уставы, так я поддержу автора, вспомнившего, кем были Лермонтов, Толстой, Гумилёв и Карпов. Список можно множить теми именами, которые заставили воссиять именно Литературу, а с ней и армию, русский подвиг: Гаршин, Арсеньев, Станюкович, Гайдар, Зоценко, Бондарев, Конечный, Бадигин, да и авторы "Слова о полку Игореве", "Задонщины" и жже, жже. Жже? Они ЧЕСТЬ ИМЕЛИ».

Ст. К. Да, это так. Но кроме чести они имели за плечами «Войну и мир», «Валерик», «Герой нашего времени», «Горячий снег», «Школу», «Дерсу Узала» и т.д. Так что, сначала надо Вам вспомнить названия шедевров, написанных нашим полковником.

Александр Суворов
«Поздравляю Николая Фёдоровича Иванова с победой! У меня даже настроение поднялось. В таком Союзе писателей хочется быть, хочется и дальше работать на благо великой русской литературы».

Ст. К. Как говорится, «и хочется и колется». Да, Александр, великая русская литература очень нуждается в Ваших усилиях, чтобы стать ещё более великой.

VII. Чёрная соль

Николай Дорошенко в своей статье, весьма развязной и не в меру лживой, желая направить ход съезда в нужное ему русло, сделал всё, что мог, чтобы унижить и оболгать Ивана Переверзина и как человека, и как поэта, и одновременно написал

«Житие» война и чуть ли не святого Николая Иванова. Поскольку Дорошенко изложил весь жизненный путь Иванова с детства и до службы в налоговой полиции, я хочу, чтобы наши читатели чуть побольше узнали и о другом сыне русского простонародья Иване Ивановиче Переверзине.

Внук стольпинского крестьянина, поселившегося в начале XX века в Якутии, и сын школьного учителя советской эпохи, солдата Великой Отечественной, Иван Переверзин родился и вырос на просторах Восточной Сибири, изрезанных многоводными реками, текущими вдоль сопков, обросших тайгой, изобилующей зверем и птицей. Естественно, что эта вольная, но трудная для жизни земля сформировала его как человека. Я тоже в Сибири жил — и в Тайшете, и в Братске, и в Ербогачёне — и знаю эту жизнь, знаю цену стихам Переверзина:

Терпи, мужик, твоя судьба не зряшна,
Ты сам для жизни место выбирал,
Тебе не раз в тайге бывало страшно,
Лицо мороз до мяса обдирает.
Зато какие будут перемены!
Дождясь весны, прими, как Божий дар,
Синичье пенё, плеск и шёпот Лены,
Сосновый несмыаемый загар.

Этот загар до сих пор лежит на лице поэта, которого с юных лет жизнь научила косить траву, вершить стога, натаскивать на зверя собак, корчевать новину, рубить избы, ставить фундаменты, плести корзины, трелевать лес, добывать тайменя и соболя. Полжизни он отдал земным трудам, которые не помешали, а, наоборот, помогли ему почувствовать себя поэтом.

А я всего-то, видит Бог,
любить взахлёб хотел
и ширь полей, и санный стог,
и звёздный заповедь.

«Терпи, мужик», — как тут не вспомнить поучение великого Некрасова либералам своей эпохи: «Эту привычку к труду благородную нам бы не худо с тобой перенять, благослови же работу народную и научись мужика уважать!» Вечно живые слова...
Переверзин всегда верил, что главная страница его судьбы ещё впереди, и первый шаг к ней сделал в 1969 году, когда стихи семнадцатилетнего девятиклассника были напечатаны в районной газете «Ленский коммунист». А когда в роковом 1991 году в Якутске вышла его первая книга «Откровение дней» и её по счастливой случайности прочитал Валентин Распутин, то с его одобрения Переверзина приняли в Союз писателей России.

В 1994 году бригада «Нашего современника» прилетела в Якутию, Переверзин познакомился со мной, Сергеем Бабуриным, Юрием Кузнецовым, Александром Казинцевым, Татьяной Петровой, Геннадием Касмыниным и с тех пор стал желанным поэтом для лучшего «толстого» журнала России. В те годы никто из нас не знал, что Литфонд, поликлиника и Дом творчества «Малеевка» с землёй уже вовсю распродавалась сначала Кобенко, потом Огневым и его присными. Сейчас эта уголовщина приписывается поляковыми, огрызками, дороженками и брововыми Ивану Переверзину, который работал в это время в Якутии аж до 2000 года, после чего переехал с женой и детьми в Москву. Вскоре Юрий Кузнецов пригласил его на Высшие литературные курсы института имени А.М. Горького, в свой знаменитый поэтический семинар, великую школу которого благодарный поэт будет помнить всю жизнь. Юрий Кузнецов знал, что делал.

Сибирские полки, в составе которых воёвал отец Переверзина, спасли в 1941-1942 годах Москву и Сталинград. Появление его сына в столице обогатило веяньем сибирского зимнего ветра современную поэзию, во многом погрязшую в тусовочных страстишках, в патриотической риторике, в русскоязычной иронической болтовне, в кастовом либеральном высокомерии и выморочном постмодернизме — во всём том,

что выдавливают из себя, как писал Юрий Кузнецов, «певцы своей узды, и шифровальщики пустот, и общих мест дрозды». А Переверзин в это время писал своё, то что знал только он:

Молчи! Мы уходим на Север,
туда, где, седы и сухи,
сменяют осоку и клевер —
веками растущие мхи.

Ещё там — огромные глыбы —
суровый, холодный гранит —
лежат, но, казалось, могли бы
подняться от грома в зенит.

Но немо свинцовое небо,
молчанью земли нет конца,
лишь ястреб — темно и свирепо
кричит, добывая песка.

Я знаю эту суровую мужскую жизнь великой северной страны, этим воздухом и этим простором живут многие мои стихи, и с ними акаются, переключаясь, лучшие стихи Переверзина. И никаким огрызкам и дороженкам этого не понять.

Но разве разберёшь, о чём бормочет лес,
О чём шумит река, на плёсах замерзая,
Но разве разберёшь,
о чём кричит с небес
Летящая на юг гусей полночных стая.

Когда-то Осип Мандельштам мечтал о «крупнозернистой жизни в поэзии». Но такая жизнь может пульсировать лишь в стихах поэтов народного мировоззрения с его чувствами, открытыми истории, природе и космосу.

Только нет мне от века дороже
Наших встреч на морозе зимой...
Взгляд поднимет она, и по коже
Будто вихрь пролетит огневой.

Постмодернизм так писать о любви не умеет. Природа, Любовь, Работа, Красота, Вера — вот «крупнозернистые» стихии, живущие в поэзии Переверзина. Но не только они. В 1993 году он, находившийся в далёком Ленске, своим русским сердцем понял вершившуюся в столице России под залпы танковых орудий трагедию, которую с глумливым восторгом, словно театральным фарсом, приветствовали лакейские стихотворцы кровожадной либеральной тусовки и подписанты позорного расстрельного «письма сорока двух».

«Наступит ночь, окна коснётся
тень, / И развернётся чёрная страна.
Вот загнан я, как северный олень,
Вот словлен я, как утренняя птица.
Спасенья нет сознанию моему,
Оно в тисках печали и тревоги... / Кому я верил, те ушли во тьму,
Никто не задержался на пороге.
А новые не знают, что творят,
Им всё равно — что человек, что свёкла.
Когда ударил танковый снаряд,
По всей России вылетели стёкла.
Народ нельзя при помощи полков / Загнать в свободу,
— знаешь ли, тупица? / Я вырвусь сам оленем из оков,
Я сам взлечу, как утренняя птица!»

Эти стихи стоят на водоразделе нынешнего народного сознания... У Переверзина почти нет стихотворений, в которых не ощущалось бы, по словам Цветаевой, «дуновение вдохновения».

За 15 с лишним лет жизни в Москве Переверзин стал поэтом, известным ещё читающей России, насколько это возможно в наше время всеобщего одиночества. У него вышло несколько стихотворных книг, переведённых в Болгарии, в Армении, на Украине, во Франции — везде, где хотя бы ещё знают литературные имена новой России. Композитор Александр Морозов, прославившийся музыкальным циклом на слова Рубцова, написал и на стихи Переверзина множество прекрасных романсов. Благодаря опыту и энергии этого таёжника, который, сочиняя стихи, одновременно учился руководить людскими коллективами на многих должностях — от директора совхоза

до заместителя главы администрации района размерами с Бельгию, — обрели новую жизнь совсем было угасавшие писательские структуры: Международный литфонд, Российский литфонд, Международный союз писателей...

Знаменательна судьба трёх поколений семьи Переверзиных в XX веке: дед — стольпинский крестьянин, отец — сельский учитель и воин, кончивший войну капитаном при штабе Георгия Жукова, их сын и внук — истинный поэт и одновременно один из самых работающих в наше время строителей писательской жизни. Вот они — веки Великого русско-советского пути людей нашего простонародья.

Я знаю и люблю русский Север, чёрные ручьи, вползающие из клоквенных и моршковых болот в порожистые реки, тёмное небо, откуда по вечерам, вспыхивающим северными сияниями, доносится гусиный гогот, первый снежок на старенькой палатке, сёмга, выпрыгнувшая из ледяной воды, светлая рыба, как зовут её поморы. И когда я читаю иные стихи потомственного сибиряка Ивана Переверзина, — я чувствую в нём родную душу.

Настанет день — и мы уедем
На дальний Север, где в лесу
Малиной кормятся медведи
И пьют тетерева росу.

Где в небесах, открытых взгляду,
Встаёт над сопками закат
И ясным пламенем распадков
На вечной мерзлоте распят.

Где Лена катит от истока
Сквозь всей России ширину
Весной без отдыха, без срока,
К торосам Арктики волну.

Где ничего не позабудешь,
Что хоть однажды увидал:
Как зверя бьёшь, как рыбу удишь,
Кого любил и целовал.

Морозы долгие и злые
Грядут задолго до зимы...
О, путь на Север, дни былые,
Где сердцем в сердце вмёрзли мы!

Восхищаюсь и завидую поэту, написавшему это стихотворение. Как жаль, что не я его написал...

Иван не просто пишет стихи — он живёт ими в то время, когда пишет их. И это понимали многие литераторы, кто писал о нём: поэт Станислав Золотцев и литературовед Лев Аннинский, северный человек Валентин Устинов и ветеран Великой Отечественной Виктор Кочетков, популярнейший наш критик Владимир Бондаренко и лукавейший, но умнейший литературовед Феликс Кузнецов. И это в то время, когда никто из них и не думал о какой-то «выгоде» от Переверзина. То есть писали бескорыстно.

Но, пожалуй, глубже всех литераторов написал кистию о Переверзине Илья Сергеевич Глазунов, не случайно поместивший в свою картинную галерею всего лишь четыре портрета современных русских писателей — Владимира Солоухина, Валентина Распутина и два портрета Ивана Переверзина. Я видел эти портреты. Там написаны не просто лица людей, но их сущности. Среди трёх сущностей выделяется сущность Переверзина — одна сущность называется «Портрет поэта», другая «Меченат Иван Переверзин».

Глазунов должен был писать один портрет, но Переверзин приехал к художнику в костюме и галстук. Глазунов недовольно встрепенулся: «Какой из тебя поэт в костюме и галстук! — снимай галстук и пиджак... — Но, видя растерянность и сомнения Переверзина, смиловился: — Ладно, напишу тебя дважды: в рубашке как поэта, и в костюме с галстуком как мечената...». Так оно и произошло. В картине «Поэт» натурщик смотрит в себя, взгляд сосредоточен и суров, на лице морщины; в картине «Меченат» взгляд открыт, на лице улыбка с хитрецей... Закончив оба эти портрета, Глазунов в ответ на попытку Ивана вручить художнику гонорар сказал: